

АНАЛИЗ УРОВНЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В КАЗАХСТАНЕ И КИРГИЗИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОГНОЗ*

Евгений Александрович Иванов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Сергей Юрьевич Малков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

С использованием разработанной методики прогнозирования предкризисного развития социально-политических систем рассмотрена ситуация в Кыргызской Республике и Республике Казахстан. Выделены основные социальные группы, оказывающие влияние на политические процессы, а также конкурирующие группировки в элите (и в правящей, и в оппозиционной). Определено, какие социальные, политические и другие расколы существуют в обществе и какие из них наиболее значимы (опасны) с точки зрения возможной дестабилизации. Определено, какие расколы имеют тенденцию к снижению, а какие – к возрастанию в обозримой перспективе и почему; проведен анализ того, какие меры принимаются в обществе, чтобы уменьшить расколы. Проведен анализ возможных сценариев дальнейшего развития социально-политической ситуации.

Настоящая работа посвящена анализу социально-политической ситуации в Республике Казахстан (РК) и Кыргызской Республике (КР), а также прогнозу сценариев их дальнейшего развития. Исследование проводилось в соответствии с методикой прогнозирования предкризисного развития социально-политических систем, описанной в (Малков 2020). Информация, связанная с историей и политическим развитием ИРИ, с особенностями его государственного

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

устройства и социально-демографических процессов, изложена в нашей предыдущей работе (Малков, Иванов 2019). В данной работе охарактеризована современная политическая ситуация в РК и КР, определены наиболее значимые (опасные с точки зрения возможной дестабилизации) расколы, оценена их динамика, сформирована информационная карта динамики социально-политической напряженности, на основе которой сделаны выводы о возможных сценариях дальнейшего развития социально-политической ситуации в Казахстане и Киргизии.

Особенности социально-политической нестабильности на постсоветском пространстве

2020 год ознаменовался всплеском дестабилизации на постсоветском пространстве. Кризисные процессы в Грузии, Беларуси и Кыргызстане были вызваны очередным витком электоральных циклов, неустойчивостью или износом режимных конструкций, а также сложной социальной-экономической обстановкой в мире, связанной с пандемией коронавируса и спадом мировой экономики.

Протесты в Грузии, начатые оппозицией сразу же после выборов, являются, скорее, примером конвенциональной политической борьбы в этой стране. Демонстрации в Беларуси стали самым серьезным вызовом для Александра Лукашенко за последние 20 лет его президентства. События в Кыргызстане завершились очередной, третьей по счету революцией. Однако вскоре процессы в центральноазиатской стране были переведены в политическую плоскость. Очередной этап борьбы предстоит в декабре 2020 – январе 2021 г., когда состоятся парламентские и президентские выборы соответственно.

Отдельно стоит упомянуть конфликт в Нагорном Карабахе, тлеющий с 1994 г. Пандемия и внутривнутриполитические вызовы в США, Франции и Германии требовали от лидеров этих стран вовлеченности во внутреннюю повестку. В то же время руководство Турции, выступившей союзником Азербайджана, все чаще заявляет о претензиях Анкары на региональное лидерство и ревизию миропорядка в целом.

Совокупность этих и других факторов привели к тому, что начатая Азербайджаном кампания продолжалась до момента поражения объединенных сил Нагорно-Карабахской республики и Ар-

мении с последующими уступками со стороны Степанакерта и Еревана. После признания поражения в столице Армении прошли уличные акции местных жителей, недовольных политикой Никола Пашиняна в отношении карабахского конфликта. Вероятно, эти события перезапустят политическую борьбу внутри Армении, а премьеру Пашиняну предстоит приложить большие усилия, чтобы сохранить за собой лидерство.

Наконец стоит сказать о череде региональных протестов в крупнейшей стране постсоветского пространства – России. Из наиболее значительных можно выделить протесты в Хабаровском крае, поводом для которых послужил арест губернатора Сергея Фургала, а также митинги против разработки шихана Куштау в Башкирии, что фактически могло привести к полному уничтожению этого уникального природного объекта. Отмечались и другие локальные вспышки недовольства. Например, в Северной Осетии, где в период действия ограничительных мер прошел митинг с призывами о помощи людям, пострадавшим из-за приостановки или полного прекращения работы многих предприятий.

Как видно из приведенных примеров, постсоветские государства входят в фазу нестабильности. Это объясняется множеством причин: меняющимся глобальным контекстом, новыми «шоками» в виде пандемии и надвигающейся рецессии в мировой экономике (Gourinchas 2020), «старением» политических режимов (Иванов 2019), сменой поколений (Трофимова 2015), проблемами в национальных экономиках (Tsvetkov 2016), кризисом на идеологическом уровне (Pulegi 2020) и др.

Таким образом, в среднесрочной перспективе (2021–2025 гг.) можно ожидать нарастания различных проявлений социально-политической дестабилизации в странах бывшего СССР, особенно там, где процессы политической и экономической модернизации отстают от темпов мировых лидеров. В особенности стоит обратить внимание на государства Центральной Азии, в которых процессы политической и отчасти экономической и социальной модернизации долгое время находились в состоянии анабиоза. Несомненно, что за сменой поколений политических элит и трансформацией режимов последуют сдвиги в других сферах.

С этой точки зрения показателен пример Узбекистана, где после смерти многолетнего лидера нации Ислама Каримова начались

значительные преобразования, инициированные его преемником – Шавкатом Мирзиёевым. Узбекистан на данный момент переживает либерализацию экономической сферы и налаживает отношения с соседями по региону. Долгое время такие вопросы, как делимитация госграницы и совместное использование водных ресурсов, либо находились в состоянии неопределенности, либо вовсе подвели Узбекистан к конфликту с соседними государствами. На внутренней арене Мирзиёеву пока удается осуществлять именно мягкий переход от одного типа устройства к другому, избегая существенных потрясений, характерных для обществ в состоянии транзита.

В Туркмении аналогичное окно возможностей открылось после смерти Сапармурата Ниязова, но его преемник Гурбангулы Бердымухамедов не смог реализовать обещанные реформы. Политико-экономическая система Туркмении законсервирована, а опора на экспорт углеводородов уже не только не способствует развитию страны, но и усугубляет положение.

Попытку контролируемого трансфера власти можно сегодня наблюдать в Казахстане. Покинув президентский пост, Нурсултан Назарбаев сохраняет в своих руках ключевые рычаги управления страной. Это обеспечивает политическую стабильность как минимум на наблюдаемом коротком отрезке времени. Тем не менее перед Казахстаном встают новые вызовы, которые, вероятно, могут потребовать оригинальных решений и кардинальных перемен в стране.

Соседняя Киргизия в этом плане более подвижна и мобильна. Однако Киргизскому государству не хватает, собственно, того, что есть у Казахстана – политической стабильности и способности элит добиваться консенсуса, действующего на протяжении длительного периода. Кыргызстану необходимо укреплять государственность. Вопросы распределения властного ресурса должны решаться не методами «уличной демократии», а через устоявшиеся институты и практики. Помимо прочего, экономика Киргизии не имеет казахстанского запаса прочности. В течение всего постсоветского периода Бишкек находится в поиске точек роста, однако слабая государственность и вытекающие из этого проблемы не позволяют реализовать даже имеющийся потенциал. В частности, крупнейшее месторождение золота эксплуатируется зарубежной компанией,

а доходы в бюджет ограничены из-за невыгодных условий, на которые пошли киргизские элиты, за что граждане страны не раз обвиняли в коррупции лица, принимавшие эти решения.

Резюмируя, можно сказать, что процессы трансформации постсоветских обществ еще не завершены. Для ряда государств скрытый потенциал преобразований огромен. Кризисы могут стать стимулом для их начала, но в то же время переходные периоды, как правило, сопровождаются новыми потрясениями и турбулентностью. Следовательно, существуют риски формирования кризисной воронки, чтобы избежать которой, необходимо разработать базовые сценарии на ближайшую перспективу (2021–2025 гг.).

В качестве объекта исследования выбраны политические системы Казахстана и Киргизии. Обе политики представляют собой постсоветские общества, получившие модернизационный импульс, будучи в составе СССР, однако дальнейшее развитие было осложнено переходным периодом от плановой экономики к рыночной, от советского полуизоляционизма – к открытости, от аналогового технологического уклада – к цифровому. Казахстан – пример большой региональной экономики, основанной на сырьевой ренте. Политический режим постсоветского Казахстана характеризуется централизацией и значительной устойчивостью. Кыргызстан – небольшое небогатое государство с фрагментированным обществом и с крайне высокой турбулентностью политических процессов. Следовательно, включение этих политик в выборку позволяет посмотреть на оба государства через призму контрастного сравнения.

Далее в работе будут рассмотрены основные линии размежеваний, которые могут послужить основой для социально-политической дестабилизации в Казахстане и Кыргызстане в ближайшие годы.

Социально-политические противоречия и конфликты в Казахстане и Кыргызстане: сравнительный анализ

Социально-экономическое неравенство

Одним из наглядных показателей неравенства служит индекс *Gini* Всемирного Банка. Данный индекс измеряет, в какой степени распределение доходов, а также в отдельных случаях потребительских

расходов, резидентов или домохозяйств отклоняется от идеально выровненного распределения (World Bank 2020a).

Для Казахстана и Киргизии значение данного индекса составляет 27,5 и 27,7 соответственно. Для сравнения для России и Бразилии – 37,5 и 53,9 (World Bank 2020b). С середины 2000-х гг. Казахстану и Киргизии удалось существенно снизить неравенство в распределении доходов. Несмотря на это, в Казахстане благодаря наличию ресурсной ренты сформировалась прослойка бизнесменов со значительными состояниями. В Кыргызстане предпринимателей такого масштаба меньше, но стоит оговориться, что размер кыргызстанской экономики в 20–30 раз меньше казахстанской (по показателям ВВП в зависимости от методики подсчета).

В целом уровень жизни в Казахстане выше, чем у соседей по региону. Средняя зарплата в Казахстане в 2020 г. равняется 197 950 тенге (466,3 долларов). Медианная зарплата в стране составляет 112,2 тыс. тенге (264,3 долларов). То есть половина из тех, кто официально трудоустроен, получают 8,8 долларов в день и менее. Однако модальная (самая часто встречающаяся по экономике) зарплата составляет около 58 тыс. тенге (137 долларов), а это лишь 4,5 доллара в день (Мамин 2020).

Самые жесткие оценки бедности, согласно критериям Всемирного банка, определяют уровень неблагополучия начиная с 5,5 долларов в день на человека (если брать в расчет 2 доллара и менее в день на человека, то люди, получающие 5,5 долларов, бедными считаться уже не будут). По официальным данным, в Казахстане таких людей (с доходом 5,5 долларов и менее в день) насчитывается 6,6 % населения, а в Киргизии – 54,8 % (World Bank 2020c).

Понятно, что эти показатели можно считать оценочными. Отчасти ситуацию спасают неформальная занятость, теневые источники дохода, пенсии, льготы и другие социальные пособия. С другой стороны, если учитывать, что официальная зарплата расходуется не только на содержание работающих, но и на поддержку иждивенцев (несовершеннолетние дети, пожилые родители и др.), выясняется, что даже в относительно благополучном Казахстане высокий потенциал скрытой бедности и так называемых «работающих бедных» (Радаев 2000).

В Кыргызстане официальная статистика свидетельствует о минимальной зарплате в 1750 сомов (21 доллар) и средней зарплате

18 тыс. сомов (212 долларов). Это более чем в 2 раза ниже казахстанских показателей. Данных по медианной и модальной зарплате Национальный статистический комитет не предоставляет, однако по аналогии с Казахстаном можно предположить, что уровень доходов домохозяйств в Кыргызстане низок. Кроме того, существует вариация по регионам. В частности, в южных регионах – Ошской и Баткенской областях – средняя зарплата в 1,5–2 раза ниже, чем в целом по стране.

Действительно, многие исследователи полагают, что реальные масштабы бедности в стране могут превышать декларируемые. В частности, Т. Алиев указывает на ряд методологических трудностей, включая определение порога прожиточного минимума (Алиев 2015). В Казахстане этот показатель привязан к размеру потребительской корзины, состав которой пересматривается реже, чем это принято в развитых странах. Кроме того, структура самой корзины вызывает критику специалистов ввиду сравнительно небольшого количества охваченных наименований и перекоса в пользу продовольственных товаров по отношению к непродовольственным товарам и услугам. При этом количество калорий, потребляемых на душу населения, едва приближается к нижней границе потребления в развитых странах (Там же).

Если обратиться к результатам соцопросов, то видно, что примерно каждый четвертый житель Казахстана признает, что испытывает материальные сложности и еще более 40 % имеют средства, достаточные для удовлетворения только базовых потребностей (Муминов 2014). Итого около 2/3 населения страны находятся не в самом устойчивом положении с социально-экономической точки зрения.

Учитывая неточности методики, косвенные индикаторы, а также трехкратное падение курса тенге к доллару и неустойчивую динамику инфляции за последние десять лет, можно предположить, что реальные доходы населения снижаются. Поэтому можно говорить о серьезности данного раскола, а также о том, что негативные тенденции в социально-экономической сфере усугубляются. Ввиду непростой мировой политической и экономической конъюнктуры ожидается резкий спад уровня жизни во многих странах.

Что касается мер противодействия этим негативным тенденциям, то стоит сказать о том, что, во-первых, Казахстан и Киргизия

имеют разные возможности для этого. Казахстан предпринимает меры для выравнивания жизни в городской и сельской местности, по совершенствованию инструментов адресной помощи, но пока они не дают желаемых результатов. Во-вторых, даже в Казахстане они сокращаются в связи с тем, что казахстанская экономика в значительной мере зависит от экспорта углеводородов и металлов. В-третьих, сегодня этим странам крайне сложно претендовать на международную помощь. Россия испытывает внутренние сложности, страны Запада не рассматривают Центральную Азию в качестве приоритетного региона, а помощь со стороны Китая чревата усугублением кредитных обязательств в долгосрочной перспективе. В свою очередь, это открывает коридор возможностей для усиления влияния арабских стран, но взамен монархии Залива будут требовать проводить курс на исламизацию, что опять же сопряжено с трудностями социального-идеологического плана.

Размежевание «город – село»

Урбанизация как неотъемлемая часть модернизационных преобразований общества сама по себе может создавать точки напряжения (Коротаев, Малков 2014; Коротаев и др. 2020; Смысловских и др. 2020; Cohen 2018). В городах сосредотачивается большое количество людей с различным прошлым. Нередко их положение маргинально. Развитие институтов по охране правопорядка и безопасности часто не успевает за стремительным ростом современных агломераций. Вкупе с социально-экономическими причинами это ведет к росту преступности и насилия (Patel, Burkle 2012).

Если говорить о политическом измерении противостояния «город – село», то в классическом виде оно во многом совпадает с размежеванием «инновация – традиция», «либерализм – консерватизм». Исторически в европейской традиции город – это пространство свободы, тогда как сельский житель существует под бременем норм и установок, заданных окружающей социальной средой.

В зрелых демократиях конфликт «город – село» проявляет себя в виде электоральных размежеваний. В Европе, например, в Австрии, отчетливо видны различия в политических предпочтениях жителей Вены и населения других федеральных земель. На последних парламентских выборах, прошедших в 2019 г., столица стала единственным регионом, где первое место досталось социал-

демократам, а правопопулистская «Народная партия» заняла второе место. В землях картина иная: «Народная партия» победила на выборах на всех остальных территориях, причем в Тироле и Форарльберге – с существенным отрывом.

Наглядно раскол между либеральными или даже леволиберальными городами и более консервативной сельской местностью (включая состоятельные пригороды) проявился на президентских выборах в США в 2020 г. Мультикультурные города поддержали кандидата от демократов Джо Байдена, а сельская местность и пригороды – представителя республиканцев Дональда Трампа.

В Казахстане политическая проекция противостояния села и города выражена слабо. Тем не менее все большую свободу получает партийный проект «Ауыл» («аул», «село» на казахском), цель которого – собрать голоса сельских жителей и в идеале представлять эту страту на уровне национального парламента. Как и полагается таким политическим силам, «Ауыл» – достаточно консервативная и националистически настроенная партия. Однако пока «Ауыл» не набрала политического веса, конфликт горожан и селян проявляется преимущественно в виде небольших уличных столкновений и негативных установок в отношении друг друга. Горожане часто недовольны поведением сельской молодежи, приезжающей в быстро растущие агломерации. Жители крупных центров хотят комфорта и безопасности. Для сельской молодежи переезд в город – это возможность вырваться из тех рамок, которые задают сельское общество и сельский образ жизни.

В первые годы после распада СССР конфликт «город – село» накладывался на межэтнические размежевания. В советский период в городских центрах концентрировалось преимущественно неказахское население. С началом независимости в города направился поток казахов, что создавало почву для конфронтации.

На данный момент этот раскол не представляет значительной угрозы для политической стабильности в целом, хотя и повышает фоновый уровень конфликтности в стране. Тем не менее следует признать определенную степень неизбежности подобных микроконфликтов и, более того, принять их как некоторую данность, поскольку через аналогичные процессы проходили все модернизирующиеся системы в мире.

В Кыргызстане ситуация во многом похожая на ту, что описана выше. Однако есть некоторые оговорки и дополнения. Во-первых, изначально городская среда в Кыргызстане была меньше, чем в Казахстане. Здесь стоит провести границу между советским/постсоветским городом и азиатским городским пространством. Городская культура в Кыргызстане существовала и в досоветский период, но она была специфична и в значительной степени традиционна. А вот пространство воздействия модернизации было достаточно ограниченным. Во-вторых, по вышеназванной причине в крупных городах Киргизии, прежде всего в Бишкеке, успела сложиться небольшая прослойка городской интеллигенции. Но и она сократилась после распада СССР и миграционного оттока населения. В-третьих, доля горожан в первом поколении стала стремительно размываться в связи с бурным притоком сельских жителей в города. Следовательно, сегодня городская Киргизия не слишком сильно отличается от сельской. Требуется определенное количество времени, чтобы городские жители стали собственно горожанами с характерными для них установками и ценностями.

Раскол «ислам – светское»

Советский проект в своей основе нес значительный прогрессистский и модернизационный потенциал. Просвещение и наука искореняли суеверия и традиционные взгляды на жизнь, а идеология и материалистический подход вытесняли религиозное сознание. Хотя у многих советских людей сохранялся определенный уровень религиозности, а отдельные очаги православия, ислама, буддизма и других религий смогли пережить все репрессии и давление, советское общество было далеко от следования религиозным культам.

Постсоветский период – время активной десекуляризации. В этой плоскости начали формироваться два больших раскола. Первый – общий между советскими атеистами и сторонниками бурной клерикализации 1990-х гг. Этот раскол наиболее характерен для Центральной России, Украины и Беларуси, где коммунистическая идеология выросла сильнее всего. В последующих поколениях маятник качнулся в другую сторону: старшие возрастные когорты, прошедшие клерикализацию 1990-х гг., были более религиозны, а молодые возрастные когорты в большей степени склоня-

лись к агностицизму или же просто индифферентному отношению к вере.

Второй раскол – между «старыми» верующими и адептами «новых» толкований. Это размежевание затронуло в первую очередь государства и регионы, где большая часть жителей относится к так называемым этническим верующим. В этих сообществах сохранились остатки собственных религиозных традиций, например, ислама. Пройдя через советский период и смешавшись с местными традициями, такая версия ислама приобрела статус «народной». Молодые поколения, получившие возможность учиться в мировых центрах исламской религии (в Египте, Сирии и др.), возвращались на родину и вступали в конфликт со старшими поколениями, чье понимание ислама расценивалось молодежью как «неправильное».

В Казахстане исламизация происходила более сдержанными темпами, чем в Киргизии, которая на государственном уровне оказалась неспособна противостоять стихийной исламизации, сопряженной с проникновением в страну радикальных и экстремистских идей. Долгое время в Киргизии работали организации, признанные экстремистскими в ряде стран, включая Россию.

Возникновение «Исламского государства» (запрещенная в России террористическая организация) в Сирии и Ираке обнажило глубину этих проблем. Многие граждане Кыргызстана оказались завербованы сторонниками ИГ и отправлены воевать на Ближний Восток. Часть из них – трудовые мигранты, работавшие в России. Отток радикалов в ИГ из Казахстана был не таким большим, но все же показал, что в стране существуют скрытые ячейки и одиночки-радикалы. Прежде всего в зоне риска Западный Казахстан и южные регионы страны, где происходило проникновение радикальных идей, завезенных извне.

Кроме того, в Казахстане среди молодежи можно выделить два типа: первый – умеренно религиозная/нерелигиозная городская молодежь, ориентированная на Запад или развитые страны Азии; второй – религиозная молодежь, связанная с мировыми исламскими центрами (Саудовская Аравия, Катар и набирающая обороты эрдогановская Турция). Поэтому, как ни парадоксально, в Казахстане раскол между светским и религиозным (исламским) может быть глубже, чем в Кыргызстане, где уровень исламизации выше.

При этом риски дестабилизации, связанные с действиями радикалов и экстремистов, в Кыргызстане существенно выше.

Внутриэлитные расколы

К марту 2021 г. политический режим Казахстана уже на протяжении двух лет будет находиться в состоянии управляемого «мягкого» трансфера власти от персоналистской модели во главе с Нурсултаном Назарбаевым к иной конфигурации политических институтов и элитных групп. Вопреки ожиданиям и слухам, Касым-Жомарт Токаев обретает собственную политическую состоятельность и субъектность. Заняв президентский пост и подкрепив это высоким результатом на национальных выборах, Токаев получил карт-бланш на формирование собственной повестки и продвижение близких к нему креатур. В то же время старшая дочь Елбасы – Дарига Назарбаева, которую считали вероятным бенефициаром ухода отца в Совет Безопасности, теряет свои политические позиции. Медийное присутствие Дариги с приходом Токаева сокращалось, завершившись в итоге уходом с поста председателя Сената парламента Казахстана. На этой должности ее сменил молодой по политическим меркам технократ Маулен Ашимбаев. Эта замена стала воплощением новых тенденций в кадровой политике президента Казахстана.

Старая гвардия Нурсултана Назарбаева, состоявшая во многом из его родственников, друзей и соратников, постепенно оставляет высокие кабинеты и уходит из публичной политики. На смену поколению 60–70-летней номенклатуры приходит поколение 45–60-летних управленцев. Токаев становится одним из центров притяжения для тех, кто выступает за умеренные преобразования режимной конструкции с уважительным отношением к наследию Нурсултана Назарбаева.

Несмотря на рост городской протестной активности, прежде всего в молодежной среде, участие рядовых граждан в общественных делах ограничено, а влияние на реальные процессы невелико. Политическая система Казахстана на сегодняшний день опирается на элитистский подход к выстраиванию отношений между государством и обществом. Участие граждан возможно лишь в строго предусмотренных рамках. Как правило, это сводится к голосованию на выборах референдумного типа. Именно через такие электро-

ральные кампании реализуется легитимация кандидата, представляющего новый казахстанский истеблишмент.

Однако для того, чтобы смягчить процесс передачи власти и позволить оппозиционно настроенным гражданам «выпустить пар», администрация Токаева проводит точечную либерализацию политической сферы. Например, к участию в президентских выборах 2019 г. был допущен оппозиционер и общественник Амиржан Косанов, набравший более 16 % голосов. Это лучший результат для кандидата, занявшего второе место на президентских выборах, за всю историю независимого Казахстана. Также для повышения уровня представительства различных групп и «выпуска пара» социального недовольства на президентских выборах 2019 г. и парламентских выборах, запланированных на 2021 г., избирателям предлагается более разнообразное политическое меню, что создает ощущение конкуренции и дает стимулы различным политическим силам для активизации их деятельности.

Тем не менее на данный момент Токаев сохраняет основы назарбаевской системы. Его цель – вдохнуть новую жизнь в устоявшуюся конструкцию за счет кадровых замен и внедрения новых подходов к управлению. Если бы не череда внешних и внутренних «шоков» в виде мировой рецессии, пандемии коронавируса и обострения необходимости сделать геополитический выбор, можно предположить, что трансфер власти Токаеву прошел бы намного спокойнее, а сам второй президент получил бы большой кредит доверия на второй срок и право на участие в реформировании системы в будущем (в качестве одного из самодостаточных игроков). Однако на рубеже 2020–2021 гг. до конца не ясно, является ли президентство Токаева все же переходным периодом, или основа для будущего устройства всего политического режима закладывается здесь и сейчас.

В Кыргызстане 2020 год стал годом третьей революции – на этот раз октябрьской. Кульминация электорального цикла в Кыргызстане – всегда беспокойный период. Выборы, а точнее их результат, могут стать мощным триггером для мобилизации сторонников основных политических сил и последующей дестабилизации на уровне всей страны.

Изначально парламентская кампания 2020 г. рассматривалась президентом Сооронбаем Жээнбековым и его сторонниками как

возможность укрепить позиции семьи Жээнбековых и других южных кланов в качестве национальных лидеров. Администрация Жээнбекова создала выгодные условия, обещавшие положительный исход кампании: высокий барьер (7 %) для прохода партии в парламент, требования пройти биометрическую регистрацию (многие избиратели просто не смогли этого сделать), минимизацию голосования за рубежом (притом что мигранты потенциально протестный электорат, и их сложнее контролировать).

Благодаря административному ресурсу и непрозрачности процедуры пропрезидентская партия «Биримдик» («Единство»), возглавляемая братом Сооронбая Жээнбекова, заняла первое место, а две союзные партии «Мекеним Кыргызстан» («Кыргызстан – моя Родина») и «Кыргызстан» заняли второе и третье места соответственно.

Такой итог мог стать триумфом правящих элит и южных кланов в частности. Лишь одной оппозиционной силе – партии «Бутун Кыргызстан» («Единый Кыргызстан») удалось пройти в новый созыв парламента. Всего же в выборах участвовали 16 партий, многие из которых были оппозиционны действующей власти и пользовались ощутимой общественной поддержкой. После объявления предварительных результатов голосования в центре Бишкека стали собираться несогласные граждане. Штурм правительственных зданий привел к столкновениям с милицией и последующей эскалации насилия. В городе начались беспорядки. В результате взлома СИЗО Госкомитета Нацбезопасности были освобождены экс-президент Алмазбек Атамбаев и известный политик Садыр Жапаров, который возглавил протестную волну.

В последующие недели Жапарову и его сторонникам удалось добиться отмены результатов октябрьских выборов, отставки Сооронбая Жээнбекова с поста президента и назначения новых президентских и парламентских выборов. Сам Садыр Жапаров стал премьер-министром и в обход спикера парламента был назначен исполняющим обязанности президента страны, заявив о желании баллотироваться на президентский пост и провести конституционную реформу.

Очередная революция привела к серьезной реконфигурации элитного пространства. За время руководства страной представителю южных кланов Сооронбая Жээнбекову удалось отеснить се-

верные кланы и их лидеров экс-президента Атамбаева и соперника Жээнбекова на президентских выборах 2017 г. Омурбека Бабанова. Кроме того, и Атамбаев, и Бабанов входят в число богатейших жителей Кыргызстана и финансировали собственные политические проекты. Однако революция стала своеобразным реваншем северных кланов над южными.

В заключение стоит лишь отметить опыт кыргызстанских элит в урегулировании постреволюционных конфликтов. Объявив о добровольной отставке, Жээнбеков сохранил для себя возможность участвовать в политике страны, чего не получилось сделать ни у Аскара Акаева, ни у Курманбека Бакиева, потерявших власть в ходе революций 2005 и 2010 гг. Новый лидер Садыр Жапаров также демонстрирует готовность к диалогу, обещая предоставить гарантии Жээнбекову и запустить пересмотр дела Атамбаева, хотя сам Жапаров попал под следствие именно при Атамбаеве. Таким образом, устойчивость политической системы в ближайшем будущем будет зависеть от тех компромиссов, которых удастся достигнуть местным элитам. Хотя это не решает фундаментальных противоречий, существующих между политическими кланами Кыргызстана. Кыргызстанское государство относительно слабо, ему не хватает сильных институтов и принятия правил игры не на один электоральный цикл, а на более длительный отрезок, чтобы дать этим правилам игры закрепиться.

Внешиполитическая ориентация

Казахстану при Назарбаеве и при Токаеве, который является профессиональным дипломатом, удавалось проводить выверенную и сбалансированную внешнюю политику. В 1990-е гг. Казахстан быстро пошел на сближение со странами Запада и в особенности с США, которые были заинтересованы в нейтрализации ядерного арсенала, доставшегося Казахстану в наследство от СССР. Хотя между Назарбаевым и американским истеблишментом отмечалось похолодание из-за авторитарного стиля первого президента, Казахстан и США сохраняют партнерские отношения.

Как бы то ни было, основными контрагентами Казахстана остаются Россия и Китай. Наряду с Беларусью Казахстан – важный союзник России в интеграционных процессах на постсоветском пространстве. Нурсултан Назарбаев активно продвигал идею ЕАЭС,

однако подчеркивая, что это должно быть именно экономическое объединение без выраженной политизации. Россия – главный торговый партнер Казахстана, опережая даже Китай, который проводит активную экспансию на мировых рынках.

Впрочем, китайское присутствие в Казахстане существенно растет год от года. И хотя в отличие от соседей по региону Казахстан не находится в долговой зависимости от Китая, Назарбаев и Токаев включились в китайский проект «Один пояс – один путь», направленный на создание логистической инфраструктуры, охватывающей всю Евразию. Экспансия Китая не может не настораживать граждан Казахстана, которые наблюдают за опытом Кыргызстана и Таджикистана, зависящих от китайских займов и импорта дешевых товаров. В последние годы растут синофобские настроения, которые приводили к небольшим акциям протеста.

В ближайшие годы Казахстану важно придерживаться выбранного курса: диверсифицировать круг внешнеполитических партнеров, поддерживая позитивные связи со всеми. Возможно, умеренная либерализация, начатая Токаевым, позволит снова сблизиться с США, уменьшив влияние Китая. Связи с Россией важны для русскоязычного и неказахского населения, которое уменьшается. В основном это представители среднего возраста и старшего поколения. В среднесрочной перспективе Казахстан может стать национальным государством с выраженным преобладанием этнических казахов, для которых важно сохранить независимость и самостоятельность своей страны, поэтому вхождение в российскую или китайскую орбиту будет восприниматься достаточно болезненно.

Для жителей Киргизии внешнеполитический выбор также имеет большое значение. Здесь можно выделить три основных силы, условных партии. Номинальных сторонников каждой партии объединяют общие экономические интересы, каналы социальной мобильности, идеологическая платформа и другие аттракторы.

Первая – это «партия миграции», ориентированная на евразийский интеграционный вектор, формируемый Россией и Казахстаном. Около трети ВВП Кыргызстана – денежные переводы граждан, работающих за рубежом. Преимущественно это трудовые мигранты, уехавшие в Россию. Также сюда можно включить часть предприятий, работающих с российскими, казахстанскими и белорусскими партнерами. И наконец, это этнически русское или рус-

скоязычное население страны, в том числе старшее поколение, ностальгирующее по СССР. В целом отношение к сближению с Россией среди граждан Кыргызстана положительное: исследования показывают, что более 80 % опрошенных позитивно относятся к ЕАЭС – это лучший показатель среди всех стран – участниц евразийского проекта (Джорбенадзе 2018).

Вторая сила – «партия торговли». А точнее, «партия реэкспорта» или «партия контрабанды». Экономическую основу данной партии составляют индивидуальные предприниматели и бизнесы, связанные с перевозкой товаров из Китая. Часть продукции реализуется в Киргизии и центральноазиатских рынках, однако самые большие объемы уходили в Россию. Благодаря двусторонним договоренностям между Киргизией и Китаем, а также лояльному таможенному регулированию реэкспорт приносил существенные доходы местному бизнесу. При этом не вся прибыль учитывалась, создавая теневые финансовые потоки. Однако после вступления Киргизии в Евразийский союз нетарифные барьеры (санитарные и фитосанитарные нормы) значительно ужесточились, что затруднило перевалку товаров и привело к снижению объемов торговли. Впоследствии сторонники «партии реэкспорта» не раз устраивали митинги против евразийской интеграции, а также проводили масштабную кампанию в СМИ: примерно три четверти упоминаний о ЕАЭС в киргизских соцсетях имели негативные коннотации (Каримов 2018).

Третьей силой, имеющей на сегодняшний день наименьшую социальную базу, но достаточно сплоченное и квалифицированное ядро, является «партия либеральной демократии» или «партия НКО». Как ясно из обозначений, сторонники данного направления выступают за ориентацию на Запад, в первую очередь на США и ЕС. Финансирование этой группы осуществляется посредством выдачи грантов сети НКО, работающих в стране. В период постсоветского транзита Киргизское государство было довольно слабо, нуждалось в притоке инвестиций и было открыто для иностранных инициатив. Так в Кыргызстане сформировалась широкая сеть НКО. Представители этой партии, как правило, работают через СМИ, закладывая собственную идеологическую платформу, а также через формирование лояльной прослойки из числа наиболее активной и образованной части общества. Несмотря на сравнительную немно-

гочисленность, «партия НКО» может быть важным актором в социально-политических процессах благодаря возможности быстро мобилизовывать своих сторонников. Потенциал такого подхода был продемонстрирован во время «революции тюльпанов» в 2005 г., в ходе которой свой пост покинул первый президент Кыргызстана Аскар Акаев, где западные НКО (наряду с другими группами) стали одними из ключевых акторов дестабилизации (Gilbert, Mohseni 2018).

Информационные карты, отражающие динамику социально-политической напряженности в Казахстане и Кыргызстане

Ниже представлены информационные карты, в концентрированном виде характеризующие основные конфликты (расколы) в Казахстане и Кыргызстане.

Информационная карта № 1

Казахстан: характеристика основных расколов и их динамика

Расколы	Конфликтный потенциал (10-балльная оценка)	Тенденция на 2021–2025 гг.
Социально-экономический (богатые – бедные)	8	Растущая
Региональное неравенство (центр – периферия) и регионализм	6	Растущая
Город – село	4	Устойчивая
Ислам – светское	6	Растущая
Этнические	6	Устойчивая
Внутриэлитные	7	Растущая
Внешнеполитическая ориентация	5	Растущая

Информационная карта № 2

Кыргызстан: характеристика основных расколов
и их динамика

Расколы	Конфликтный потенциал (10-балльная оценка)	Тенденция на 2021–2025 гг.
Социально-экономический (богатые – бедные)	9	Растущая
Региональное неравенство (центр – периферия) и регионализм	10	Растущая
Город – село	3	Устойчивая
Ислам – светское	7	Растущая
Этнические	7	Устойчивая
Внутриэлитные	9	Растущая
Внешнеполитическая ориентация	6	Растущая

Возможные сценарии развития социально-политической ситуации в Казахстане и Кыргызстане

Приведенные выше данные позволяют сделать следующие выводы об особенностях социально-политической ситуации в Казахстане и Кыргызстане и возможных сценариях ее дальнейшего развития.

1. Несмотря на разные стартовые условия, и в Казахстане, и в Кыргызстане наблюдается значительный потенциал социально-политической дестабилизации. Более того, в свете нарастания негативных тенденций можно ожидать, что проявлений нестабильности будет все больше.

2. Конфликтные расколы в **Казахстане** на данный момент находятся в фазе скрытого горения. Давление внутри линий напряжения нарастает, однако в большинстве своем они либо не имеют выхода, либо относительно быстро купировуются. Тем не менее, если государственная машина утратит свою монолитность, а ресурсов для тушения социальных пожаров будет недостаточно, многие из

нынешних латентных расколов могут стать точкой для масштабной дестабилизации.

В настоящее время основными расколами в Казахстане, в соответствии с информационной картой № 1, являются: социально-экономический (8 баллов) и внутриэлитный (7 баллов). Социально-экономические проблемы связаны прежде всего со сложной ситуацией в экономике, обусловленной низкими мировыми ценами на сырье, которое экспортирует Казахстан (экономика страны носит в целом сырьевой характер, поэтому очень чувствительна к ценам на сырье), а также влиянием пандемии коронавируса COVID-2019. Экономические трудности пришлись на период трансфера власти от персоналистской модели во главе с Нурсултаном Назарбаевым к иной конфигурации политических институтов и элитных групп. Сюда же наложился процесс смены поколения 60–70-летней номенклатуры на поколение 45–60-летних управленцев. В связи с этим возможны два сценария дальнейшего развития ситуации.

Благоприятный сценарий: экономические трудности не приведут к массовому недовольству населения. В этом случае, несмотря на трудности транзита власти при персоналистской модели управления в стране, этот транзит может завершиться без выплескивания внутриэлитных конфликтов в публичную сферу и устойчивость социально-политической системы сохранится.

Неблагоприятный сценарий: экономические трудности обострят другие противоречия (территориальные, межэтнические). На фоне растущей нестабильности, в условиях смены поколений управленцев могут появиться новые неформальные лидеры, которые нарушат плавный транзит власти и переведут политическую систему в неустойчивое состояние, которое может закончиться социально-политической дестабилизацией общества.

3. В **Кыргызстане** ситуация отличается от казахстанской. Конфликты в этой стране быстро переходят в открытую фазу, поэтому большинство размежеваний известны и публичны. Если в Казахстане расколы практически не имеют проекции в публичное политическое поле, то в Кыргызстане вокруг каждого раскола формируется коалиция заинтересованных игроков (политиков, партий и их спонсоров).

Основными расколами в Кыргызстане, в соответствии с информационной картой № 2, в настоящее время являются: регио-

нальный (Север – Юг) (10 баллов) и внутриэлитный (кланы Севера – кланы Юга) (9 баллов). Все это усугубляется сложной экономической ситуацией в стране (социально-экономический раскол – 9 баллов). В этих условиях возможны два основных сценария дальнейшего развития ситуации.

Благоприятный сценарий: несмотря на произошедшую в 2020 г. очередную «цветную революцию», местным элитам удастся достичь компромисса (определенную надежду на это дает то, что новый лидер Садыр Жапаров демонстрирует готовность к диалогу и обещает предоставить гарантии Жээнбекову, а также запустить пересмотр дела Атамбаева). Здесь многое зависит от субъективного фактора – личностных качеств основных акторов конфликта.

Неблагоприятный сценарий: компромисса добиться не удастся и противоречия снова выплеснутся на улицы. К сожалению, повышает вероятность этого сценария продолжающийся экономический кризис и высокий процент молодого населения, которое в условиях высокой безработицы легко становится «горючим материалом» социальных волнений.

Киргизское государство еще недостаточно окрепло, ему не хватает сильных институтов и запаса ресурсов для противодействия факторам политической дестабилизации. По всей видимости, Киргизия будет оставаться полюсом нестабильности до тех пор, пока в стране не удастся достичь политико-экономического оптимума и зафиксировать это равновесие на 10–15 лет для институционализации устойчивой системы в целом.

Библиография

- Алиев Т. М. 2015.** Бедность в Казахстане. *Мировая экономика и международные отношения* 12: 105–115.
- Джорбендзе И. 2018.** Евразийскому союзу нужен «спасательный круг». *Росбалт* 27 сентября. URL: <https://www.rosbalt.ru/world/2018/09/27/1734926.html>.
- Иванов Е. А. 2019.** Четыре волны битвы за преемственность. *Царь горы: Недемократический трансфер власти на постсоветском пространстве* / Ред. К. Ю. Рогов. М.: Фонд «Либеральная миссия». С. 16–21.
- Каримов Д. 2018.** Параллельная реальность. *Экономика Кыргызстана. Российская газета* 103(7566). URL: <https://rg.ru/2018/05/16/protivniki-eaes-v-kirgizii-peremestilis-v-socialnye-seti.html>.

- Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2014.** Ловушка на выходе из мальтузианской ловушки в современных модернизирующихся обществах. *История и Математика: Аспекты демографических и социально-экономических процессов* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. Волгоград: Учитель. С. 43–98.
- Коротаев А. В., Слав М., Зинькина Ю. В., Романов Д. М. 2020.** Урбанизация, рождаемость, городская молодежь и прогнозирование структурно-демографических рисков социально-политической дестабилизации в странах Африки южнее Сахары. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 317–370.
- Малков С. Ю. 2020.** О методике прогнозирования предкризисного развития социально-политических систем с учетом глобальных и региональных тенденций социально-политической динамики, политических кризисов и конфликтов. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 473–516.
- Малков С. Ю., Иванов Е. А. 2019.** Сценарное прогнозирование динамики социально-политической дестабилизации/стабилизации стран Афразийской зоны (на примере Киргизской республики и Республики Казахстан). *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 10 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 254–279.
- Мамин А. У. 2020.** Ответ на депутатский запрос о минимальной заработной плате и уровне жизни. Депутатские запросы. *Официальный интернет-ресурс Мажлиса Парламента Республики Казахстан*. URL: <http://www.parlam.kz/ru/mazhilis/question-details/18177>.
- Муминов А. 2014.** Казахстан рассказал в ООН, как будет бороться с бедностью. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31578164#pos=4;-108.
- Радаев В. В. 2000.** Работающие бедные: велик ли запас прочности. *Экономическая социология* 1(1): 25–36.
- Смысловских Е. А., Колесников И. В., Новиков В. А., Слав М., Коротаев А. В. 2020.** Урбанизация и терроризм: опыт количественного анализа. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 265–302.

- Трофимова И. Н. 2015.** Поколенческий фактор гражданской активности в российском обществе. *Социологическая наука и социальная практика* 2(10): 5–17.
- Cohen M. 2018.** Urbanization and Conflict: Trends, Impacts, and Challenges for Development Assistance. *International Affairs Working Paper* 16. New School. URL: https://milanoschool.org/wp-content/uploads/2013/04/Cohen_2009-09.pdf.
- Gilbert L., Mohseni P. 2018.** Disabling Dissent: the Colour Revolutions, Autocratic Linkages, and Civil Society Regulations in Hybrid Regimes. *Contemporary Politics* 24(4): 454–480.
- Gourinchas P. O. 2020.** Flattening the Pandemic and Recession Curves. *Mitigating the COVID Economic Crisis: Act Fast and Do Whatever* 31.
- Patel R. B., Burkle Jr F. M. 2012.** Rapid Urbanization and the Growing Threat of Violence and Conflict: a 21st Century Crisis. *Prehospital and Disaster Medicine* 27(2): 194.
- Puleri M. 2020.** In Search of “New Roots”: Towards a Situational Ideology in Putin’s Russia. *Rekindling the Strong State in Russia and China*. New York: Brill. Pp. 17–39.
- Tsvetkov V. 2016.** Economic Security and Economic Growth in Modern Russia: Five Key Problems. *Review of Business and Economics Studies* 2: 5–14.
- World Bank 2020a.** Index Gini. *Metadata Glossary*. URL: <https://databank.worldbank.org/metadataglossary/jobs/series/SI.POV.GINI>.
- World Bank 2020b.** Index Gini (World Bank estimate). *Kazakhstan, Kyrgyz Republic, Russian Federation, and Brazil*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?locations=KZ-KG-RU-BR>.
- World Bank 2020c.** Poverty Headcount Ratio at \$5.50 a Day (2011 PPP) (% of Population). *Kazakhstan, Kyrgyz Republic*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.UMIC?locations=KZ-KG>.